Литературно-публицистический журнал

ЧТО ХОЧЕТ АВТОР

№ 5/2017

В НОМЕРЕ:

Никита Брагин:
«Для меня не существует
понятия "вдохновение"»

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

Никита Брагин 3

ПОЭЗИЯ 7

Никита Брагин

Наталья Майер 10

Ольга Бешенковская 10

СКОРОДУМ

Ведущая Ирина Бжиская 13

ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ ИМЕНИ ВАЛЕРИЯ ГРУШИНА 14

НАШИ МЕРОПРИЯТИЯ

Ирина Бжиская 26

«Окраина»

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 28

ГОСТЬ НОМЕРА

Никита Брагин – поэт, доктор геолого-минералогических наук. Член Союза писателей России. Никита Брагин родился в Москве в 1956 г. Окончил Геологический факультет МГУ. В настоящее время является главным научным сотрудником Геологического института Российской Академии наук.

Специалист в области палеонтологии и стратиграфии, автор многочисленных научных работ, лауреат научной премии имени Ханса Раусинга. С 2006 по 2013 год преподавал в Российском Государственном Геологоразведочном Университете на должности профессора.

Автор восьми сборников стихов: «Стихи» (2004), «Камни, песчинки, потоки» (2005), «Лаура делла Скала» (2006), «Четыре стихии» (2008), «Избранное» (2009), «Пятый угол» (2010), «Полночное паломничество» (2014), «Песенки Марсия» (2017).

Печатался в журналах «Российский колокол» (Москва), «Голос эпохи» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Подъём» (Воронеж), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), и многих других, а также в различных сборниках и альманахах.

– В каком возрасте Вы написали своё первое стихотворение?

– В четырнадцать лет. Я его не помню, могу сказать лишь, что это было подражание романтизму первой половины XIX века. Художественной ценности оно, конечно, не имело, как и многочисленные стихи, написанные в последующие несколько лет.

– Расскажите, пожалуйста, как именно у Вас происходит процесс написания стихотворения? Вас посещает муза или это профессиональный подход по типу «ни дня без строчки»?

– Процесс сочинения стихов глубоко индивидуален. Среди крупных поэтов прошлого можно назвать два противоположных примера: Велимир Хлебников и Борис Пастернак. Хлебников писал стихи на чём угодно, в любой обстановке, хаотично, потом собирал листки в наволочку, так о нём вспоминал один из его современников.

Пастернак работал над стихами в кабинете за письменным столом в строго определённые часы дня. Мне больше импонирует пример Пастернака, но я не располагаю временем для того, чтобы заниматься стихами так, как он.

Поэтому я всюду с собой вожу записную книжку, часто записываю туда либо рифму, либо строку, либо даже метр стихотворения условными знаками. Иногда могу записать мысль. Но главное, я часто сочиняю стихи «на ходу», когда есть время, например, в поезде метро, во время ожидания, на скучном заседании, в кафе.

Как-то раз ради шутки зашёл я в кафе ЦДЛ, заказал чашку кофе, а потом целый час сочинял стихотворение, ловя на себе заинтересованные взгляды посетителей сего славного места.

Я умею хорошо отгораживать своё сознание от постороннего шума, разговоров, даже музыки.

Ещё могу отметить, что для меня не существует понятия «вдохновение», «посещение музы» и т.д. Всё, что мне нужно – быть отдохнувшим и иметь время. Тогда процесс идёт, иначе же он буксует. Кроме того, если я долго и много сочиняю, то наступает период, когда я останавливаюсь и возвращаюсь к уже написанному.

Я никогда не публикую «горячие», только что сочиненные стихотворения. Они обязательно должны полежать, на них надо посмотреть ещё и ещё раз, очень внимательно. Именно этот период «полировки» наиболее важен в литературной работе. Много времени и сил требует ещё и подготовка книги к печати, или даже составление подборки для журнала.

Поэтому могу сказать, что принцип «ни дня без строчки» у меня реализуется – если я не сочиняю, то редактирую, или ищу новые идеи, делаю первые наброски. Чаще всего все эти три процесса идут параллельно.

– Существует ли в поэзии какая-нибудь особая техника и можно ли научиться писать стихи? Или это удел избранных?

– Техника написания стихотворений, конечно, существует, ей можно научиться.

Процесс обучения требует, конечно, внимательного чтения соответствующих книг, в которых изложена теория стихосложения, а также упражнений на темы по стихосложению. В Литературном институте учат и этому, и ещё много чему.

Но можно и самостоятельно овладеть основами стихосложения. Здесь всё зависит от способностей: те, кто в школе не испытывал трудностей по русскому языку и литературе, те, у кого есть гуманитарные способности, легче преодолеют этот путь, другим придётся потрудиться больше.

Так что писать стихи научиться можно, более того, как мне кажется, любой образованный человек может сочинять стихи. Учёные, кстати, весьма часто занимаются сочинением любительских стихов, я знаю многих.

Другое дело, если речь идёт о поэзии. Можно сочинять техничные стихи в огромном количестве, но поэзией они не станут. Немалое число современных авторов, в том числе и весьма известных, как раз являются достаточно умелыми стихотворцами, не будучи поэтами, а произведения их содержат всё, что угодно, кроме поэзии.

– Имеются ли в Вашем творчестве излюбленные темы и предпочтения в жанре?

– У меня несколько сотен стихотворений на самые различные темы. Может быть, наиболее часто я обращался к теме России, её пути, её культуры, её истории, её будущности, видимой через настоящее и прошлое. Вместе с этим я писал и о других странах (более всего об Индии и Сербии), много занимался любовной лирикой, много у меня стихотворений о Москве, есть духовные стихи. Кроме лирики я занимаюсь сатирой и юмором, у меня только что вышел сборник, полностью посвящённый этой тематике.

Далее, я пишу преимущественно рифмованные силлабо-тонические стихи, люблю твердые формы, особенно сонет. Но при этом у меня немало стихотворений, написанных в тонических метрах – дольниками, акцентным стихом. Иногда я пишу и «белые», нерифмованные стихи, которые в наше время не модны. Есть у меня и верлибры, хотя они сравнительно редки.

– Где Вы ищете публику? Предпочитаете творческие встречи с реальными людьми или публикуетесь в интернете?

– Я не ищу публику, скорее, она ищет меня. Я много публикую, прежде всего, в журналах, альманахах, сборниках – там, где есть возможность, как минимум, безгонорарной публикации. Всё, опубликованное на бумаге, публикуется и в сети. У меня нет возможности проводить много времени в диалогах на сайтах или в соцсетях, поэтому я просто публикую, а, если кто-то мне напишет, стараюсь ответить. Это первый путь. Второй – я

посылаю свои стихи на различные литературные конкурсы, которых сейчас немало. Это даёт иногда возможность публикации, кроме того, члены жюри читают – и это уже хорошо.

Третий путь – участие в различных вечерах, концертах, фестивалях, это иногда удаётся, хотя не очень часто. Каждый путь полезен. В любом случае – я что-то предоставляю публике на выбор, а дальше всё зависит от неё.

– Существует мнение, что поэзия должна быть доступной и бесплатной. Вы согласны с этим?

– Мне кажется, что поэзия уже давно и доступна, и практически бесплатна.

Захотите почитать Пушкина, Блока, Мандельштама, да кого угодно из наших лучших поэтов – войдите в сеть, найдите по поисковику, и читайте сколько угодно, всё это доступно и практически ничего не стоит, за исключением абонентской платы за интернет, расхода электроэнергии и амортизации компьютера.

Что же касается современных авторов, которые не выставляют свои творения в свободный доступ – то, по-моему, мы как-нибудь перебьёмся и без них.

Как однажды норвежские писатели объявили забастовку – Владимир Солоухин прокомментировал это так: «Ничего, перебьёмся пока на Ибсене, на Гамсуне…»

Есть ещё один момент, косвенно связанный с «бесплатностью». Существует проблема компьютерного «пиратства», которое сильно бьёт по популярным беллетристам типа Акунина. Действительно, книги скачивают и не покупают. Противодействие этому со стороны государства достаточно сложно и не всегда эффективно, «пираты» весьма ловко обходят барьеры.

Вероятно, в будущем система авторских доходов будет как-то пересмотрена, и это будет связано с переходом литературы на электронный формат. Но это дело будущего, и сейчас оно практически не касается поэзии.

– В Европе популярны различные способы распространения поэтических произведений: стихи для чтения в метро, буклеты для чтения в очередях (например, в поликлиниках в момент ожидания приема и т.д.) Как Вы считаете – это «принижает» поэзию или, наоборот, содействует её развитию?

– На мой взгляд, мы это начали гораздо раньше, и находимся далеко впереди Европы всей в этом похвальном деле.

Напомню, что ещё граф Дмитрий Иванович Хвостов читал свои стихи попутчикам в экипаже, предварительно попросив извозчика ехать медленнее. Он же нередко оставлял свои пленительные сочинения в гостях, как бы случайно забыв их.

Мне кажется, мы должны ценить наш русский приоритет, помнить наши славные традиции и скрепы.

Если серьёзнее, то поэзия не нуждается в рекламе. Это, если угодно, самородок или кристалл, который не всякому и нужен. Но тот, кому нужна поэзия, обязательно найдёт её, было бы желание. Стихи Есенина в своё время переписывали от руки.

А сейчас и этого не надо.

– Что на Ваш взгляд произойдёт с поэзией в будущем?

– Поэзия, как и всякое искусство, будет развиваться.

– Изменится ли формат – есть надежда, что останется бумажная книга или всё-таки произойдёт постепенный и безвозвратный переход на электронный вариант?

– Появление Интернета – крупнейшее культурное событие последнего времени, ещё недостаточно оцененное нами. Я считаю, что по своему значению оно сравнимо с изобретением книгопечатания.

Книга в электронном формате – большое достижение. Она не занимает места, можно собрать гигантскую библиотеку на небольшом диске, можно брать любую книгу, хотя бы для единственного прочтения – а в личную бумажную библиотеку брать такие книги было бы нецелесообразно. В общем, тут очень много удобств и новых возможностей, как для писателя, так и для читателя.

Из проблем назову некоторые – необходимость перевода книг в форматы, удобные для электронных «читалок» – например, часто приходится переформатировать из pdf в fb2. Сложно читать книги, где большое значение имеет аппарат сносок и примечаний, например, книги серии «Литературные памятники».

Но эти проблемы решаемы и не принципиальны. Так что электронный формат, несомненно, будет шириться, и скоро начнёт доминировать. Уже сейчас идёт сокращение печатной продукции, некоторые издания, в частности, научные, на моих глазах перешли к главенству электронного формата. Все больше становится электронной художественной периодики, и меня нередко приглашают опубликоваться там. Я, конечно, соглашаюсь.

Вместе с тем, полного отказа от печатной книги не произойдет, по меньшей мере, при нашей жизни. Будут действовать два обстоятельства.

Первое – учить детей всё-таки будут на настоящих книжках, и обязательно с цветными картинками. Второе – книга бумажная, в переплёте, будет выполнять представительские функции, будет предметом престижа.

Состоятельный человек будет украшать ими свой кабинет, любители старины и традиции тоже захотят иметь настоящие бумажные книги. Поэтому книги останутся и существенно вырастут в цене, особенно, когда через несколько десятков лет прекратится их массовое издание на бумаге. Исключение составят детские книги, для самых маленьких.

– Ваши пожелания молодым авторам.

– Много читайте. Определите для себя свой путь, свои цели. Не гонитесь за модой и не поступайтесь нравственностью. А главное – работайте, друзья.

Беседу провела А. Дозорцева

Никита Брагин

***

Я хочу быть стоном надломленной ели,
дальним звоном колокола в метели,
неутешным плачем у колыбели
на исходе дня,
потому, что в этом снова и снова,
и легко, и чисто, и проще простого
сквозь пустую речь прорастает слово,
и зовёт меня.

Но меня не тронут пьяные слёзы,
и надрыв, и вопли, и кровь с навозом,
и вообще я не верю в соборность колхоза,
мне другое ближе, –
одинокость креста над речным разливом,
и негромкий, но вольный шелест нивы,
и согбённая скорбь надмогильной ивы –
в ней я родину вижу.

Вижу вал земляной – то в некошеных травах,
то под белым снегом, и в детских забавах, –
вот что вижу я у тебя, держава,
под кольчугой.
И не надо вычурных толкований,
завываний, истерик и целований –
в наше время играть и сорить словами
не заслуга.

***

Не лови потаённые смыслы
полуночного скрипа дверей,
не считай окаянные числа
паспортов, телефонов, зверей,
и не путай Ван Гога с Магогом,
на подсолнухе кровь не ищи –
смерть сама просвистит за порогом,
словно каменный шар из пращи,
и уверенно скатится в лузу,
и легко увлечёт за собой
мастерство, вдохновение, музу,
контрабас, фортепьяно, гобой…
Эзотерика и гороскопы,
лабиринты и звёздный огонь –
всё уйдёт без войны и потопа,
всё развеется в пыль, только тронь.

И останутся только – простая,
повседневная зелень травы,
пёсий лай, голубиные стаи,
и сквозь серое – взгляд синевы.

***

Солнышко мутовки на сосновом спиле
светом прорастает из ушедшей были.
Чем седее бревна, чем древней венец,
тем светлее золото годовых колец.

Так и мы с тобою сквозь лета и зимы
прорастём любовью, прорастём любимым.
Смолкой золотою в солнечном бору,
для тебя заплачу я, и с тобой умру.

***

Во сне заплачешь, бедный и влюблённый,
от холода и жалости дрожа,
а ветхий сумрак, солнцем опалённый,
бежит и тает… Как свежа душа, –
она глядит доверчиво и прямо,
запоминая светы и цветы,
и чуть робеет, как у двери храма
в предчувствии любви и красоты,
и, ожиданием переполняя
всю суть свою, до края и вдвойне,
внезапно просыпается, больная,
саму себя забывшая во сне…

Где явь? Где сон? И кто ты в самом деле?
Добыча для суккубов и сирен?
Гомункул, похороненный в постели?
Денницей обронённый соверен?
Ответов нет. Флюиды и фантомы
колышутся, и тишина темна.
А ты, душа, стоишь у двери дома,
роняя на порог изнанку сна…

Пляжные размышления джинна

Провалявшись на пляже среди брюхоногих существ,
понимаю, что мне не хватает обзора.
Вот бы влезть на высокий, надежный и прочный насест,
и смотреть широко на залив и на горы!

Если жарко и тесно, то хочется снежных вершин,
крепкой плеши Атланта и плеч Гулливера, –
алым дымом взлечу, и прощай, Сулейманов кувшин,
принимай мой полет, атмосфера!

И, по древнему слову, песчинкой предстанет Земля,
засвербит в уголке воспаленного глаза,
и слеза океана зальёт города и поля,
и вскипят облака ядовитого газа…

Мне такого не надо! Я лучше спокойно взгляну
сквозь стеклянную линзу на крошку в ладони,
и увижу судьбу, и внезапно пойму глубину,
где застыла Вселенная в тихом поклоне.

Там летят по орбитам лазурные искорки звёзд
в нерушимых чертогах алмаза и кварца,
там единой гармонией дышат цветок и погост,
и не плачут во сне ни младенцы, ни старцы.

За решеткой кристалла найти бесконечный покой,
и уснуть? Но зачем, я и так засыпаю…
Между солнцем и атомом тает беззвучной строкой,
догорает над морем заря золотая.

Дуновение бриза уснувшие глади рябит,
а эстрадные ритмы скользят мимо слуха.
Не имеют значенья размеры светил и орбит
в поле зрения Духа.

***

И Грозный был, и был Тишайший,
и тополевый пух легчайший
по всем Черемушкам летал,
подковы цокали в булыжник,
и вырастал раскладкой книжной
пятиэтажечный квартал.

Все было вместе – пласт морены
в дорожной выемке, сирены
штурмующих проспект машин,
капуста и пучки укропа
у магазина «Изотопы»,
диагональ и крепдешин.

Дым бересты и «беломора»,
шум ругани и разговоры
о космосе и Корбюзье, –
Москва пестра и эклектична,
здесь все по-своему прилично,
но цель, конечно, в колбасе…

О, правда жизни! Ты прекрасна,
когда за далью безопасной
припоминаешь пафос твой, –
ночные записные бденья,
товарные столпотворенья,
уют, похожий на постой.

И только книги, книги, книги,
слепой души моей вериги,
всем дефицитам дефицит!
Собранья, серии, журналы –
шкафов и полок не хватало,
был век на прозу даровит.

И ныне, как студент в раскопе,
дивлюсь России и Европе,
их артефакты вороша –
тома лежат культурным слоем,
и шрифт чернеет в них золою,
и кладка слова хороша.

Ассирия

Летят золотые павлины
из вечных висячих садов
над пыльной и пепельной глиной,
где нет ни примет, ни следов
ушедшего в полночь Ашшура,
крылатых богов и быков,
где степь, словно львиная шкура,
покрыла скелеты веков.

И видят небесные птицы
сквозь мертвую пыльную твердь
жестокий полёт колесницы,
охоту, сражение, смерть;
ревут исполинские звери,
мечи обнажают цари
над прахом погибших империй
в кровавых просветах зари.

И нет ни ракет-минаретов,
ни черных, ни пестрых знамен,
не смотрит с казённых портретов
на нас воплощённый закон,
и нет ни европ, ни америк,
не пляшут ни доллар, ни brent,
и некому рейтинг измерить
и вычислить нужный процент.

Но есть непосильная слава,
немыслимая красота,
и львиная кровь, словно лава,
течет, первородно чиста,
течет обжигающе близко,
так близко, что дух опалён,
и падает смертная искра
в бессмертную бездну времён.

Наталья Майер

Вечность

За мигом миг, неуловимо
Струится время мимо, мимо:
Час ускользнул прозрачной льдинкой,
И год растаял невидимкой,
Десятка лет как не бывало...
Для времени – столетья мало!
И поглотить оно готово
Века бесчисленные снова.
Тысячелетья, исчезая,
В небытии незримом тают,
Где, простираясь в бесконечность,
Царит пленительная ВЕЧНОСТЬ...

Включите улыбки

Хмурым и злым за порог не ходите,
Свет на лице, улыбаясь, включите!
Это, поверьте, не будет ошибкой,
Люди, смелее включайте улыбки!
Мир станет лучше, добрее и краше,
Если улыбки засветятся наши!

***

Меняю линзы, но не взгляд
Года, безжалостно, летят.
В очках меняю чаще линзы,
Но не меняется мой взгляд –
На жизнь смотрю без укоризны.

Ольга Бешенковская

Мои современники

(Венок сонетов)

Летучих рифм целительные жала
И тоньше, и изысканнее яд.
Но вся Россия пела Окуджаву,
А что ей Шварц, Кривулин или я?..
Что ей с того, что слёз изящны блёстки,
Что изощрён творительный падеж...
Не рождество у ёлочек кремлёвских,
А лишь реанимация надежд,
И слишком поздно, век затихнет скоро...
И каждый, за свою схватившись боль,
Поймёт: не сор мы – сон, мы сонм и город,
Но не Россия... Призрачная роль...

О нас напишут, ведаю заране:
Бескровны жизнь и смерть на поле брани.

***

Бескровны жизнь и смерть на поле брани
Бездарностей... Есть способ удавить
Ещё верней: похоронить заране,
Из поля зренья жестом удалить:
Кого бранить? Кто помнит имена их?..
Всех поглотила чёрная дыра...
А те, что всё же слышали и знают,
Иудин доллар ждут из-за бугра...
Нет, не валюта – валидол в аптеке
Наш гонорар... Несносен наш союз.
Но в Эрмитаже и в библиотеке
Слагался он под сенью грустных муз...

Жрецы искусств, а пили в ресторане ,
О нас напишут, ведаю заране...

***

О нас напишут, ведаю заране,
Немало всякой горькой чепухи...
А правда в том, что мы не на экране,
Не на трибуне верили в стихи;
Не в кассе: сумма прописью – за веру...
... Через решётки слушая синиц,
Мы, эллины, привыкли к интерьеру
Котельных и смирительных больниц...
Спасая мир от мнимой катастрофы,
Кто там крадётся тенью по стене?

Держись, Олег (за что ж ещё? за строфы...)
Привет Серёже. Помни обо мне...

Мы сон и сонм откуда ж эта боль?
Но не Россия... Призрачная роль.

***

Но не Россия – призрачная роль
Постигла нас, как всех, кто похоронен...
Летим на спиритический пароль
Пугая холодком потусторонним
Вертевших стол... Игнатова? Нет, тень...
А где сама? Вестимо, за границей?
Да, ваших глаз... И вам на скудный день –
Явление поэта за страницей...
Мы где-то там, где нет границ и лет,
Простите нас, что мы не вездесущи,
И что о вашей жизни на земле
Так мало знаем , – занавес опущен...

И кто-нибудь, рванувший тесный ворот,
Поймёт: не сор мы – сон, мы сонм и город.

***

Поймёт: не сор мы – сон, мы сонм и город.
Как долог общий памятник – гранит...
Ты Стикс, Нева,.. Здесь каждый был и порот,
И счастлив в детском счастье Аонид.
Трезв Ширали, Кривулин безбородый
Уже пророк, но чуда – не конца...
Мы шли в народ, и в нас была порода,
Быть может, от небесного отца...
И кое-что от Глеба и Давида.
Ты Стикс, Нева, но грех не без родства...
Блажен, кто знал: нам тесен мир Эвклида
Был с первых строк, с ночного озорства.

Кто виноват, что снег проела моль.
И каждый, за свою схватившись боль...

***

И каждый, за свою схватившись боль,
Не слышит даже стонущего рядом.
И корчится. И сыпет в рану соль.
И соты мозга наполняет ядом.
Да, пессимизм, да эгоизм. Да, так.
Кто не бессмертен тот не безупречен,
О чём и стонем... А больничный мак
На белизне – как там, на Чёрной речке...

Дантес – француз, а нас – не чужаки...
(Что из того, что Аронзон – не Пушкин...)
О, как улыбки щерили клыки
В незнавших, что приблизились к
кормушкам.

Давно ясна причина приговора,
Но слишком поздно: век затихнет скоро...

***

Но слишком поздно: век затихнет скоро,
Скользнут на дно медузы метастаз...
Не мы его надежда и опора,
Не мы ему предстанем в смертный час.
И нам не он: воинственный, хвастливый,
Забывчивый... Но счёты ни при чём.
Он тоже был доверчивый, счастливый;
И столь же глух. И так же обречён.
Хвала ему, что лось берёт мякину
Из рук ребёнка, что не всё – металл,
Что Королёв Гагарина закинул
Туда, где миф младенцем пролетал...

Нет синевы синей прощальных вежд.
И лишь реанимация надежд...

***

Аминь, реанимация надежд ,
Здесь о венок споткнется неотложка...
Осколки ампул. Карканье невежд.
Латынь. Священник. Детская галошка...
Ну вот и всё, сердца сгорели, в нас
“Остался только пепел...“ Это Дудин
О той, где выжил... Нет, не на Парнас,
На Южное, туда подъём не труден.
Объедем город – праздник задарма...
Не унывайте, сфинксы и атланты!
Как хорошо, что всё-таки зима,
И в жёлтых окнах – юные таланты!

Пусть щеголяют в Логоса обносках, –
Не Рождество у ёлочек кремлёвских...

***

Не Рождество у ёлочек кремлёвских:
Комки об крышку– круглые слова...
Мы будем снова в тихих отголосках
На Троицу, когда взойдёт трава...
Что опыт ваш... Мы Клио пережили,

Ценили хлеб – блокадники культур...
И не стоянки – Музу сторожили
От наглецов с набором партитур.
И не спасли, забылись сном мертвецким.
Рассудит Бог, судьба или вина...
Да, вы – с фашизмом, с варварством
немецким,
А с вашим – мы... Священная война...

Что сытым вам, в тщеславии одежд,
Что изощрён творительный падеж...

***

Что изощрён творительный падеж
Уже ежу и критику понятно ,
Алле, творец, – извольте на манеж!
Лицо под грим, в бессонницах помято.
Земля кругла и запах цирковой...
Да нет, увольте, трупы – не паяцы.
И Мандельштам качает головой,
Под колпаком приученной бояться...
Умнейте, перестраивайте строй,
Для вас иконки наши – не помеха,
И нас уж нет... На первый и второй
Вся перестройка... Цирк дрожит от смеха!

Россия... Рожь... Сиротские полоски...
Что ей с того, что слёз изящны блёстки...

***

Что ей с того, что слёз изящны блёстки,
Что мы как боги знаем ремесло;
А ей нужны горшки, и не берёзки, –
А доски. Дождь. И Ноево весло.
Как дышит склон, морщинистый, пологий,
Но дышит, но вздымается к весне!
Зачем вдове профессор патологий:
Живой мужик – и счастлива вполне.
Мы Фрейда с детской робостью просили,
Нас обжигали Гегель и псалмы.
И хоть в Сайгоне пили, но Россию
(На книгу руку) пропили не мы...

Вот потянулась... Ищет соловья...
А что ей Шварц, Кривулин или я?

***

А что ей Шварц, Кривулин или я,
Пудовкина, Охапкин, Куприянов,
Миронов... Каждый сам себе семья:
Сосуд пороков и певец изъянов...
Что ж, каждому свое... Ворота в ад
И мне маячат... Если станет страшно –
Шприц, морфий, – и нахлынет
Ленинград;
Наш нищий рай, наш черствый снег
вчерашний,
Воспетый (нынче шамкать и молчать)
До всех святынь, искривленных в каналах.
И если вас отметила печать,
Нас – дерево декабрьское в кораллах.

И вещий кот на крышке бака ржавой...
Но вся Россия пела Окуджаву...

***

Но вся Россия пела Окуджаву,
Высоцкого, запретам вопреки.
Хрипела страсть, будящая державу,
Вздыхал Булат – смолкали остряки...
Есть голос крови.
Голос поколенья.
И вопиющий глас. И голоса...
Мне голос был: поэты как поленья
Трещат в печи, а истина – боса.
Кто горемычней значит ли – мудрее?
Пусть этот вял, а тот вторично лих ,
Скажу, вздохнув, как Белла про Андрея:
А я люблю товарищей моих...

В плену Харит, в компании Наяд
И тоньше, и изысканнее яд...

***

И тоньше, и изысканнее яд,
Искуснее пчелиное барокко ...
О, Летний сад, безлюдный Летний сад,
Ты так притих, как будто ждёшь пророка...
Мы тени тех, самих себя, прости...
Плюс к вам перфект уютней, чем
футурум.
Хотя бы мрамор вылечи, срасти,
Не подпускай безбожников к скульптурам!
Мелеет лоб – как не было чела...
И не от крыльев колет под лопаткой.
А надо мной вальсирует пчела:
Нашла цветочек с родственной повадкой...
И сжалась жизнь. И, сжавшись,
не сдержала
Летучих рифм целительные жала..

СКОРОДУМ

Ведущая

Ирина Бжиская

Завершился недельный блиц-турнир «Лето, ах, Лето...». Задание было: написать лимерики на предложенную тему. Несмотря на жару, дожди и прочие «всхлипы» погоды, любители лимериков отличились буйством фантазии, небывалой активностью (некоторые!), что порадовало дежурную, как автора блица. СПАСИБО ВСЕМ БОЛЬШОЕ!!!

В лидеры вышли Валентина Кайль и Александр Сороковик.

Валентина Кайль

1.Нас июльские грозы пугали,
Стрелы молнии землю пронзали.
Всех волнует до слёз
Августовский прогноз:
Не хотим, чтобы грозы пугали.

2. Летом я обожаю пломбир!
Хоть в бюджете множество дыр,
Воз пломбира куплю,
Кайф при этом ловлю!
Летом я обожаю пломбир!

3.Ох, опасен курортный роман:
Береги кошелёк и карман!
Не случайно с богатой
Этот хлыщ из Анапы
Закрутил скороспелый роман!

4. Соседка по даче рыдала:
«От дождей вся клубника пропала!»
Чем бедняжке помочь?
Дождик льёт день и ночь...
От досады и я зарыдала!

5.Зря тебя затянул интернет –
Летним дням повторения нет!
Брось порочные сети
Ради прелестей летних
И нарви незабудок букет!

6.Лето, лето! Ты –время прекрасное!
Даже, если бываешь ненастным,
После гроз коромыслом
В небе радуга виснет,
Распускаются розы прекрасные!

7.Как мне дорого лето в России!
Манят сказкой тропинки лесные
И ромашковый луг,
И друзей моих круг,
И лазурное небо России...

Александр Сороковик

1.Сэр Артур из далёкой Британии
Подготовился к лету заранее:
Плащ и пару ботфорт
Взял с собой на курорт
Сэр Артур из далёкой Британии.

2.Фил О`Брайен из славного Дублина
Хочет к морю поехать с возлюбленной.
Та ж сказала – в Мадрид!
И туда полетит
Фил О`Брайен из славного Дублина.

3.Мак-Магону из зябкой Шотландии
Летом хочется солнца гарантии
Но ему говорят:
– Дождь на месяц подряд! –
Мак-Магону из зябкой Шотландии.

4.Некий сэр из Английского Клуба
Подзастрял на страницах Ютуба:
Летом где отдыхать,
Хочет чётко понять
Некий сэр из Английского Клуба.

5. Генерал из далёкой Австралии
На мундир нацепил все регалии
Шубу сверху надел,
Он с ума не слетел:
Август – зимний ведь месяц в Австралии!

6.Джон, курортник из Новой Зеландии
Доверял лишь одной хиромантии.
В летнем зное сидел,
На ладони смотрел
Джон, курортник из Новой Зеландии

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

«Грушинский фестиваль» в 2017 году прошёл уже в сорок четвёртый раз и собрал на своей площадке бардов, исполнителей авторской песни и различных творческих, позитивных и светлых людей.

В этом году исполняется 50 лет подвигу Валерия Грушина, чьё имя носит фестиваль.

Он погиб, спасая тонущих детей, проявив мужество и человеколюбие.

Высокие моральные принципы – основа и источник уникальной атмосферы Грушинского братства. Именно ради неё на фестиваль «убегают» из суеты городов десятки тысяч людей.

http://grushinka.ru/

Всему есть начало, но не у всего есть продолжение. Всему есть конец, но, как писал Владимир Высоцкий, конец – это чьё-то начало.

Яркий тому пример – Грушинский фестиваль, когда трагичное, но героическое завершение молодой жизни Валерия Грушина – послужило мощным толчком к началу жизни песенного фестиваля бардовской песни, сплотило вокруг себя сторонников и сподвижников свободы и добра – романтиков Грушинского братства, вечному союзу печали и радости, подвига и права выбора, сокровенному походу за пределы фантазии – туда, где живёт песня души…

В этом году исполняется 50 лет со дня гибели Валерия, и вот уже отшумел 7-ой Международный Грушинский Интернет-конкурс.., уже скоро соберутся гости, авторы, поэты, музыканты, призеры, победители, лауреаты и просто сочувствующие на 44-й Грушинский фестиваль на Мастрюковских озёрах Самарской области, но вопрос так и остается без ответа: а я – поступил бы так же? А всем ли так «повезёт» и физическая смерть станет началом чьей-то новой нравственности?

Успеть бы найти ответы, а может быть, они уже найдены и мы их просто забыли?

Вспомним всё с самого начала.

«Мы вспоминаем Валерия Грушина песнями на созданном в его память Грушинском фестивале».

Борис Есипов

Валерий Грушин – студент и романтик (главы из документального очерка)

Туризм… песня… Валерий Грушин… Грушинский фестиваль…. Эти слова связаны друг с другом светлым и ясным смыслом, который не просто раскрыть в документальной статье.

Время идёт, а след, оставленный Валерием Грушиным, не стирается. Он оставлен в сердцах тех, кто был когда-то рядом с Валерием. Он и в тех, кто никогда его не видел, а бывал на Грушинском фестивале и даже в душах всех тех, кто просто знает о его подвиге и принял это близко к своему сердцу.

Выросло новое поколение, которому хочется опять услышать рассказ о нём. Молодые и не совсем молодые люди, которых и сегодня влечёт ветер странствий, которые тоже любят песню, гитару, природу, которые в песне выражают свою душу, – они не просто поют, они вспоминают,

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

размышляют о месте человека в жизни.

Давайте вспомним и мы.

Валерий Федорович Грушин родился 23 октября 1944 года в г. Моздоке, Северо-Осетинской АССР в семье военного лётчика. У Валерия было ещё три брата и сестра.

Детство его прошло в Мурманской области, где служил его отец Федор Иванович. Здесь, в Заполярье, он видел северное сияние, красота которого поражала его мальчишеское воображение.

Поэтому, наверное, и первые походы были туда, на Север, в Карелию. И петь он начал там, в Заполярье с 6 лет на гарнизонных сценах.

В 12 лет Валерий с родителями переехал в Новокуйбышевск и стал с тех пор волжанином, завороженным красотой и мощью Волги. Окончил школу, поступил в Куйбышевский авиационный институт на радиотехнический факультет.

В институте познакомился с туристами и ветер странствий захватил его.

В.А. Сойфер, Президент Самарского университета, профессор, академик РАН, учился в одной группе с В. Грушиным.

«Время учёбы вместе с Грушиным 1962-67 годы – лучшие годы нашей жизни.

Мои встречи, совместная учёба с Валерием, думаю, не носят общезначимый характер, а в первую очередь очень важны для меня. Валерий был внутренне беспокойным человеком.

Он всё время искал себя. Это вело его в дорогу, на хоккейную калду. Мы все в какой-то мере были людьми неуравновешенными, романтически настроенными. Но у каждого из нас это приобретало какие-то свои черты. И многие из нас это успешно преодолели. И весь этот романтизм остался только в воспоминаниях. Вот, может быть, Валерий и стал для нас символом романтики нашего поколения, потому что на взлёте он погиб. Погиб таким, каким он был, соединив в себе лучшие черты многих из нас. Вот так я отношусь к нему как к явлению. Как с человеком я провёл с ним очень много времени, начиная с завода на Хлебной площади, где Валерий делал замечательные отвёртки. Хорошо помню, ели мы с ним селёдку в первом общежитии. Были и другие, серьёзные разговоры, например, о смысле жизни, о том, как он был недоволен собой. В это, в общем-то, относительно счастливое и доброе время оттепели мы были неуспокоенные. Таким был и Валерий.

Конечно, сегодня прошло много времени и о Валерии теперь можно говорить так спокойно и рассудительно. А тогда весть о гибели Валерия буквально «резанула» по нашим сердцам...»

(Из выступлений на вечере памяти В. Грушина 1997 г.)

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

С начала учёбы в институте он выделялся тем, что уже многое умел: стрелять, слесарить, водить машину, мотоцикл. Умел делать добро людям, не ожидая для этого подходящего момента. Заядлый турист. Где только он не побывал!

Саяны, Карпаты, Урал, Алтай, Кольский полуостров, Тува и, конечно, своё родное Поволжье.

Валера любил не только природу, но и всех живущих на ней.

Вечно он притаскивал ужей, ежей, кутят, любую живность, которой нужна помощь и все они у него были «митьки». Друзей у Валерки с детства было множество. Их дом был открыт для всех.

Бэлла Яковлевна, мама Валеры, всегда радушно встречала друзей всех своих сыновей.

Хочу поделиться своими личными воспоминаниями о Валерии.

Валерий Грушин поступил в Куйбышевский авиационный институт в 1962 году, т.е. когда и я. Первый раз я увидел его на «картошке», ведь с этого раньше начиналась студенческая жизнь. Это был худощавый парень с правильными чертами лица и спортивного телосложения. Слегка вьющиеся волосы, компанейский, легко отзывался на все шутки и проделки, которые неизменно мы вытворяли в «колхозе». Потом мы учились с ним четыре года в одной группе на радиотехническом факультете. Сразу же я узнал, что он заядлый турист, причём турист необычный. Он собирал вырезки из газет и журналов про тех путешественников, которые, превозмогая себя, без хлеба и воды выживали в труднодоступных местах, т.е. испытывали себя. Теперь уже, наверное, многие знают его девиз:

«Если жив ещё – борись,
Полумертвый – продвигайся.
Смерть увидишь – не сдавайся,
А настигнет – не страшись!»

Я помню, когда об этом узнал от его друзей – меня это поразило. Сознаюсь, в то время мы тоже были романтиками (меня даже так дразнили друзья), – но чтобы так серьезно!!! Оказалось, что судьба распорядилась так, что свой девиз Валерий выполнил до конца…

Он жил в общежитии № 1 на Лесной 4, в комнате 74. Конечно, круг его ближайших друзей-однокашников составляли ребята из общежития, туристы. Я был «городской» и в общежитии бывал редко. У него было много друзей-туристов старшего возраста, и даже наши преподаватели Ю.В. Пшеничников, Ю.С. Быховский, П.Е. Молотов и многие другие.

Я же сблизился с Валерием на почве музыки. Дело в том, что основным моим увлечением всегда была музыка. Уже с первого курса я был заметной музыкальной «звездой»: играл на рояле в перерыве между лекциями, (в 1-м корпусе лекции читались в актовом зале, где стоял старенький «Красный Октябрь»), потом играл в джазовом коллективе, руководил вокальными коллективами и даже сочинял песни эстрадного жанра.

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

Тогда самодеятельность КуАИ была на высоком городском уровне, у нас был свой театр АИСТ. Какие чудесные это были годы!

Юмористические сценки в СТЭМе и рассказы в газете «Полёт» писали тогда студенты Виктор Сойфер и Виктор Балакин (псевдоним Басой).

На наши вечера невозможно было попасть. Именно у нас впервые в городе начали танцевать твист, шейк, буги и прочие «буржуазные» танцы.

Валерий не был завсегдатаем этих вечеров. У него в душе давно прорастала тяга к «другой» песне. В туристских походах рождались и пелись песни о верных товарищах, дальних дорогах, светлых чувствах настоящих мужчин. Они неизменно исполнялись под гитару. Я, к сожалению, тогда очень мало знал о таких песнях.

Конечно, мне приходилось слышать в кругу моих друзей дворовые или «блатные» песни под гитару. Но чтобы кто-то пел «хорошие» песни на талантливые стихи под гитару – этого я тогда не слышал.

Потом стали петь песни Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы (он даже выступал у нас на сцене 1-го корпуса), но всё равно только от Валерки я узнал об огромном пласте песен, которые сейчас называют «авторскими» (так их назвал В. Высоцкий).

Валерий был, можно сказать, фанатом таких песен. Он привозил их из дальних походов, записывал в свою тетрадь слова.

Ребята рассказывали: однажды, в Туве, после песен у костра все пошли спать в палатки, а он просидел целую ночь у костра с одним парнем из Киева, таким же, как и Валерка, любителем песни. Они их переписывали друг у друга до утра. Утром вылезают все из палаток, а эти двое сидят около уже потухшего костра и пишут в своих тетрадях. У Валерия было много таких тетрадей с песнями.

У нас на потоке учился Анатолий Головин, который хорошо играл на гитаре, пел и быстро втянулся в круг друзей Валеры. Он-то и научил играть его на гитаре. Ребята начали петь втроём. Впервые, если я не ошибаюсь, трио Грушин, Головин, Лунев выступило на вечере английского языка. Они пели какую-то английскую песенку про маленькую белую уточку и ещё что-то из туристского репертуара. Я, вспоминаю, уже был в качестве их музыкального наставника. Ребята решили работать над собой, выступать.

Мне приписывают название этого трио «Весёлые бобры», потом «Поющие бобры». Бобры, потому что туристы – лесные жители. Они выступали в толстых свитерах.

Валерий даже отпускал бороду – она у него была красивая. И трубку курил, как его любимый герой Че Гевара. Успех быстро пришёл к ним.

Сначала пели на вечерах туристов, потом на «Студенческой весне».

Многие в нашем городе до сих пор помнят их исполнение песен «Трубач», «Дождь напролёт», «Шагают бараны в ряд», «Когда я пришёл на эту землю» и многие, многие другие.

Потом Валерий захотел, чтобы у нас была своя песня. Он и говорит мне: «Что ты всё каким-то джазом занимаешься. А слабо тебе, Боб, написать музыку не эстрадной песни,

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

а вот такой «нашей» песни?!»

И он дал мне стихи «Грустят знакомые дома…».

Сочиняя музыку этой песни, я старался избежать простоты аккордов и мелодии, чем грешили тогда туристские песни. Получилось неплохо.

Скоро все туристы Самары распевали: «…когда ты на краю земли…».

Много позже я узнал, что это были стихи песни Арика Круппа. Но мы пели свою – первую. Она была напечатана в «Полёте», получила первое место на «Студенческой весне». Так я пришёл в авторскую песню – от Валерия Грушина.

Когда Валерий погиб – не было никакой возможности вынести эту боль и захотелось написать о нём песню.

«Баллада о Валерке» – так я назвал её, была написана в 1967 году, а впервые исполнена на институтской «Студенческой весне», весной 1968 года.

Пел её Станислав Игначков.

Позже на 2-м Грушинском в 1969-м мне присудили за неё звание лауреата и с этого времени ею неизменно начинаются все Грушинские фестивали.

За эти годы о Валерии Грушине разными авторами, в том числе и иностранцами, написано очень много песен. Некоторые из них нам всем, кто знал Валерия, очень дороги.

Между прочим, Валерий неплохо рисовал. Я помню, мы вдвоём на военной кафедре рисовали большие красивые схемы. Рисовали мы масляной краской и красные ковровые дорожки на лестницах здания военной кафедры. Где теперь эти «ковры?..»

Валерий относился к тем людям, у которых всё получается. Вот, наверное, поэтому-то он всё и испытывал, неосознанно всегда искал себя.

Это понятно только теперь, с расстояния прожитых лет. Испытывал он себя на холод и голод. Чуть сходил лёд, он на той стороне Волги ставил палатку и водружал над ней свой флаг, а флаг Валерия знали все.

Потом, ближе к сессии, к нему туда приезжали ребята готовиться к экзаменам.

Природу он любил, как живое существо, относился к ней с почтением и каким-то удивлением и восторгом перед её величием.

Валерка шёл всегда на защиту слабых, не думая о том, что сейчас будет с ним.

Случай, описанный в газете «Комсомольская правда», когда он встал на защиту каких-то девчонок за Волгой, не был единичным. Это не было детским бесстрашием, у него в крови было обострённое чувство справедливости.

Михаил Макеев, участник совместных походов с В. Грушиным.

«Мне Валерий рассказывал, что детство его проходило в местах, где вся земля была напичкана бомбами и снарядами. И всё его детство прошло в том, что они лазили по старым складам и дзотам, находили автоматы, пулемёты и развлекались, взрывая па

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

троны и снаряды. Многие мальчишки потеряли пальцы и руки после взрывов мин.

Он называл себя в шутку «мастер золотые руки». Казалось бы это нескромно.

Но когда я наблюдал, как он укладывал в рюкзак спички, сухари, как он затачивал топоры, ножи – было понятно – как много опыта у этого ещё совсем юного парня.

И невольно мы проникались особым туристским уважением к нему.

Однажды в походе на Кольский п-ов у нас не было денег доехать, и мы решили сдать кровь за деньги. Но наше с Грушиным постоянное голодание сыграло злую шутку – у нас кровь за деньги не взяли (наш вид не внушал врачам доверия).

Валерий был необыкновенно бескорыстным и открывался душой к даже мало знакомым людям. Помню, где-то на Ямале ему понравился один житель местной национальности Коля. Он помог нам добраться до стоянки. Простой мужик, в общем-то пьяница, по-русски не понимавший ни слова. А Валерка взял да и подарил при расставании ему финский кинжал, свою реликвию. И я, помню, так расстроился, мне было жалко кинжал, ну прямо до слёз. Думал, вот бы мне такой нож. А он взял и подарил какому-то…

Помню, как-то около общежития внезапно завязалась драка незнакомых парней. Мы стояли, не обращали на них внимания. А Валерка мигом подбежал, разнял ребят.

Все помирились, а Валерий, как ни в чём ни бывало, вернулся к нам и продолжил с нами разговор. Помочь людям было его нормой жизни…»

(Из выступлений на вечере памяти В. Грушина 1997 г.)

Он всегда привлекал к себе внимание, был в центре притяжения.

На старой фотографии майского туристского слёта на Молодецком кургане – живой Валерка.

Его буквально несут на руках, сидящим с трубкой во рту на табурете, водружённом на перевёрнутую лодку. На лодке было написано «Грушин».

И несли эту лодку в подарок Боре Кейльману.

Трудно сказать, чем он привлекал к себе людей.

Может быть своей одержимостью познать мир и испытать себя?

Б.Р. Кейльман, турист-политехник, ныне Президент Грушинского клуба, организатор всех Грушинских фестивалей.

«Конечно, если бы Валера был жив, всё равно что-то вроде Грушинского фестиваля было бы. Потому что мы с ним делали такие интересные, насыщенные по выдумке, по человеческому теплу дела, что всё равно это вылилось бы во что-то прекрасное. Но судьба распорядилась так, что все, то прекрасное, носит теперь имя Валеры и в этих делах оно продолжает жить.

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

Я вспоминаю такой эпизод в моей жизни.В мой день рождения я пошёл искупаться на пляж и встретил там Валеру. Ведь общежитие, где жил Валера было рядом с пляжем – на Лесной 4. А мы с ним тогда были ещё не очень близко знакомы. И мне так захотелось, чтобы он пришёл ко мне на день рождения.

Он спросил меня – а сколь тебе будет. И я сказал, что 25. Он с таким сожалением это услышал и, посмотрев на меня «старца», сказал – конечно, придём.Он пришёл с друзьями, с гитарой – было так здорово. И Валерка подарил мне штормовку. Штормовка была новенькая, такие штормовки впервые сделали – с красивыми нашивками, на зависть всех самарских туристов.

А на следующую субботу мы опять встретились на электричке – ехали на природу. Все Валеркины друзья ехали с нескрываемой гордостью в новеньких штормовках, а он в своей старенькой и потрёпанной…»

(Из выступлений на вечере памяти В. Грушина 1997 г.)

Учился он хорошо. Специальность выбрал не вслепую. В авиацию был влюблён с детства. Но мог и пропустить занятия, как и все, «повалять дурачка», чем всегда и во все времена грешили студенты. Валерка на лекции мог запрячь муху и наблюдать за ней. А кто, скажите, не делал этого или чего подобного? Ну, разве что только очень скучный человек. Его влёк к себе весь непознанный мир и постоянно звало неизведанное.

Валерий был надёжный парень. Да иначе и не могло быть. Ведь он ходил в походы высшей категории сложности. А туда не идут те, на чьё плечо нельзя положиться. Как он завидовал тем, кто был на Чае! Завидовал, что они остались там без продуктов и питались, ловя рыбу, охотясь на мелкое зверьё. Охоту он любил. В походе, в Туве он решил сидеть ночь у убитого зверя, чтобы дождаться медведя. Вернуться в лагерь, в палатку его заставили чуть не силой.

Ю.В. Пшеничников, старейший самарский турист, доцент кафедры информационных систем и технологий Самарского университета.

«После одного из походов с моими друзьями мы собрались и показывали фильм.

Пришёл первокурсник Валера Грушин. И я помню, что его больше всего поразило и вдохновило не то, какие сложные пороги мы проходили, а то, как мы голодали без продуктов и добывали пищу прямо в тайге.

Он загорелся побывать в таких походах и испытать себя. Вот так и начались для Валерки его туристские тропы…»

(Из выступлений на вечере памяти В.Грушина 1997 г.)

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

Валерий весёлый был, любил, как сейчас говорят, приколы. И всё-таки он был удивительный человек. Умел взять самый тяжёлый рюкзак и первым идти вперёд, как это было на реке Каргы. Там плот сел на камень. Удалось верёвку забросить на берег и закрепить на дерево, а течение сбивало с ног. Первым пошёл Валерий, взяв на себя ответственность первого шага. Как настоящий мужчина эту ответственность он всегда брал на себя. При этом он не был богатырём. Казался даже хрупким при своём высоком росте и худой, тонкой фигуре. И вот последний поход на таёжную реку Уду…

«Здравствуйте дорогие мама и папа, бабуся и ребята!

Пишу из Челябинска, поезд стоит 30 минут. Уже проехали Урал, красотища необыкновенная! Чувствую себя хорошо. Рюкзачок около 50 кг. Как ни странно, но я, кажется, ничего не забыл. Из Куйбышева уехали в 3.30 утра. Кончаю, пора идти, а то не успею отправить».

Вот, что осталось – последнее письмо Валеры. Оно маме с папой, родным, а ещё – сброшенная на берегу штормовка с лежащими в кармане записной книжкой и фотографией любимой. Нет, это не всё. Осталось главное – память в сердцах людей.

Евгений Недосеков, староста студенческой группы, где учился Валерий, участник последнего похода и друг Валерия Грушина, его воспоминания в документальном фильме о Валерии Грушине с использованием кадров киносъёмки его последнего похода, фотографий и аудиозаписей 60-х годов.

https://www.youtube.com/watch?v=h0-Rt3303-o

Мы вспоминаем Валерия Грушина песнями на созданном в его память Грушинском фестивале. Через год после его гибели – 28 сентября 1968 года, над Каменной Чашей в Жигулях, где собралось 600 человек, друзья Валерия, Анатолий Головин и Вячеслав Лунев подняли флаг, который знали все туристы: на голубом фоне – аист и солнце, и раньше всегда развевавшийся над палаткой Валерия. И после прозвучавшей "Гренады» Михаила Светлова, магнитофонная запись донесла голос Валерия. Под шум дождя он пел «На плато Расвумчор» Ю. Визбора.

Фестиваль – это наш праздник песни, праздник единения душ. И Валерий – здесь, с нами. Так и хочется на каждом фестивале шепнуть: «Валерка, слушай, мы поём и тебе. Поём о себе, о тебе и о смысле жизни!»

Очень верным было то, что песенный фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина, был задуман как природный фестиваль. Его передовой отряд – это туристы альпинисты и другие путешественники. Ведь верно писал известный путешественник и бард Арик Крупп: «Мы живём в городах и будем жить там, и каждый последующий день похож на предыдущий, и от этого никуда не денешься, так и должно быть, но из-за этого мы постоянно начинаем забывать, кто мы и зачем. А мы люди, и в наше время жить сыто и спокойно слишком опасно, опасно в том смысле, что можно забыть, что мы, люди – мера всех вещей. А в походах есть время подумать об этом, есть возможность вспомнить, что такое «человек-человеку», есть возможность почувствовать, как ты зависишь

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

от людей и как люди зависят от тебя».

К годовщине гибели Валерия на 10-ти метровой высоте скалы, на реке Уде был установлен барельеф Валерия. Барельеф был изготовлен и установлен на средства, собранные туристами и студентами.

Ровно через 20 лет на реке Уде собрались туристы и под барельефом заложили капсулу с письмом, в котором рассказывается о Валерии Грушине и о Грушинских фестивалях.

Интересно, что каждый год на фестивале, этом весёлом и остроумном празднике песни, каким был и Валерий, идёт дождь. Дождь может быть долгим, нудным, может быть маленьким, как говорят, «слепым» – сквозь солнце.

Но дождь – всегда.

У многих народов существует поверье, что в день памяти хорошего человека идёт дождь...

Грушинский фестиваль – это в первую очередь братство людей, где не только палатки, но и души открыты друг другу. Здесь слушают знаменитых бардов и совсем неизвестных, только вступающих в это бардовское братство, и «гора» оценивает их своими фонариками.

Здесь перед музой меркнет всё –
И должности и званья.
Здесь даже не кривят душой отпетые лгуны.
Звучит здесь самый звонкий смех
И песни без названья.
Необъяснимые мерцанья
Самых дальних звёзд видны…

Авторская песня жива и будет жить.

Пытались запретить Грушинский.

Но разве можно заставить замолчать песню, которая поётся и воспринимается душой и сердцем, песню, которую пел Валерий Грушин.

И пока мы живы, песни будут петься,
С ними нам теплее в праздник и в беде.
Нам ведь друг от друга никуда не деться
Начиналось братство на реке Уде!

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

Б. Есипов, доцент кафедры информационных систем и технологий Самарского университета, автор песен, учился в одной группе с Грушиным, Председатель Художественного Совета клуба авторской песни имени Валерия Грушина.

Борис Есипов

Маленькая баллада о большом человеке

Где тайга синей, чем небо, где?
Разве только на таёжной на реке Уде.
Где страшней пороги, холодней вода, где?
Разве только на краю земли, реке Уде.

Сколько песен спето у твоих костров,
Сколько пройдено дорог и речек
без мостов.
И грустят дома знакомые-друзья ушли.
На краю земли с тобою песня...
только песня ли?

Ты считал, что кедры, словно люди,
Только нет у них хороших и плохих.
Ты считал, что кедры тоже любят,
Понимают песни и стихи.

Я не знаю, где веселья полюс,
Я не знаю, полюс скуки где,
Только знаю: полюс мужества
Ты открыл, Валерка, на реке Уде.

И когда костёр пылает ночью,
Где берёт начало этот странный звук?
(Ты знаешь, парень, где? А ты послушай...)
Может, это кедры о Валерке плачут
На таёжной на реке Уде.

1967 г.

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

Не знаю, нашли ли мы ответы на вопросы, заданные в начале нашего путешествия? Время покажет, ведь до тех пор, пока мы задаем себе эти вопросы, мы можем называться человеками. И новые мысли, и новые мечты о Завтрашнем дне придут к нам, хотя бы во сне!

И в завершении нашего рассказа предлагаем вашему вниманию стихи и песни победителей и призеров 2017 года:

Полина Орынянская (Балашиха)

Четыре зелёных свистка

Налей мне. Я, в общем, особо не пью,
Но дело такое – тоска.
Ты знаешь, она прорастает, как вьюн,
Когда поезда, уползая, дают
Четыре зелёных свистка.

И тот, кто отчалил, – счастливый дурак –
Немедленно стелет постель.
А ты аутсайдер, и дело табак,
Ты сборщик полночного лая собак,
Хозяин пустынных земель.

Ты делаешь пару дурацких шагов...
Так нужно – и машешь вослед.
А там календарь полчаса как другой,
Ребёнок над чаем качает ногой
И время открыть туалет.

И поезд как будто проходит насквозь,
Оставив в грудине пролом.
Такая досада, беспомощность, злость
На это ночное холодное врозь,
На тёмный пустующий дом...

А там – красота, огоньки средь полей
И тянет прохладой сырой...
Ты знаешь, давай-ка налей по второй.
И сразу по третьей налей.

Александр Габриэль (США)

Молебен

Я молюсь о душевном здоровье тех,
Кто забыл о значении слова «смех»
И тоскливо тянет свой плуг и соло,
Кто живёт в неизменном отрыве от
Находимых другими земных щедрот,
Чей моральный дух в двух вершках от пола.

Им не надобно в космос, на полюса,
Им хотя бы добиться «комси-комса»
И простейшей сноски к разделу «сносно»,
Чтобы прожитый день не стучал в виски
Канонадой безумной слепой тоски
И душа с надеждой была соосна.

Шеи гнуть-то зачем, антилопы гну?
Кто учил вас науке идти ко дну,
С вдохновеньем злым пузыри пуская?
Жизнь сама по себе есть благая весть,
И судьба – пусть такая, какая есть –
Всё же явно лучше, чем никакая.

Я молюсь о забывших свой путь домой;
И пускай же мотив немудрящий мой,
Как зелёный чай, станет вдруг целебен
Для забывших счастье, забывших смех...
Отслужив же молебен за них за всех,
За себя такой же служу молебен.

Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина

Сагидаш Зулкарнаева (Самарская область)

***

Под бархатною пылью тишины
Лежала степь от края и до края,
Окутывал пространство вышины
Сиреневый туман шального мая.
А первого июня – небеса
Разверзлись окаянными мечами.
И дрогнуло оконце, как слеза,
Когда тебя не стало за плечами...
За окнами зима и снег кружит,
Усталый ветер кашляет надсадно.
Мне без тебя невыносимо жить!..
Дойдёшь до Бога, поверни обратно.

***

В каждом колечке – круг от Земли,
В каждом веселье – дух от стола,
В каждой росинке – свет от зари,
В каждой дороге – след от крыла,
В каждом цветочке – нежность невест,
В каждой снежинке – пульс тишины,
В каждой речушке – вены небес,
В каждом молчанье – голос стены,
В каждом квадрате – тень кирпича,
В каждом движенье – сила крови,
В каждом поступке – Божья печать,
В каждом ребёнке – капля любви.

***

Я оденусь в шёлк июля,
Не зови меня – ушла.
Пусть молва летит, как пуля,
Зависть жалит, как пчела.

Над ручьём и над канавой,
Где скопился сельский сор,
Напрямик шагну я с правой,
Всем врагам наперекор,

Улыбнусь песочным сотам
Муравьиного вождя
И зонта дырявым сводом
Не закроюсь от дождя.

Прощевай, моя избушка,
Прощевай, моя земля…
Я свободна, как лягушка
В чёрном клюве журавля.

(Материал истории Грушинки предоставлен Организатором Международного Грушинского интернет-конкурса Эдуардом Филем)

Ирина Бжиская

«Окраина»

(Литературно-музыкальный клуб г. Ростов-на-Дону)

Вопреки распространённому мнению, жизнь не кончается на окраине, как раз там она раскрывается.

И. Бродский

В августе этого года исполняется двадцать лет литературно-музыкальному клубу «Окраина». Двадцать лет!!! И почти восемнадцать из них я являюсь частицей этого замечательного объединения.

Вспоминаю своё первое появление на заседании клуба. Заканчивался 1999-й год...

Сергей Григорьевич Ермилов, один из членов этого литературно-музыкального объединения рассказал мне о том, что в библиотеке им. Н.Г. Чернышевского собираются пишущие стихи и прозу люди. И я решилась! Написать, что волновалась, идя на заседание клуба, значит, ничего не написать. В уютном читальном зале библиотеки собрались постоянные члены клуба, что-то обсуждали, о ком-то вспоминали... Я села подальше от стола ведущего заседание, внимательно слушала выступавших – Виктора Тихонова, Веру Тихонову, Евгения Кириченко, Марию Кузнецову, Зою Берёзу, Анну Пепеляеву и других – и думала о том, что, пожалуй, свои стихи так и не прочитаю, поскольку они казались мне такими простыми и не совершенными по сравнению со звучавшими. Словом, так и не выступила. Потом свои произведения показывали авторы-исполнители...

Запомнилось выступление супругов Асмаян. Глава семьи играл на скрипке, а жена – Таися Асмаян – пела... Молодая пара – Виктор Сапов и Юлия Ломоносова – замечательно исполняли авторские песни, аккомпанируя себе на гитарах. Так произошло знакомство с клубом «Окраина». В следующий свой приход я была смелее, и когда ведущая заседание заведующая библиотекой Ирина Петровна Кремнева предоставила мне слово, как новичку, я прочитала стихи. Помнится – одно из прочитанных стихотворений неожиданно вызвало активное обсуждение. Кто-то вспомнил о больнице в родной станице, кто-то о фельдшере, который являлся почти богом для жителей хутора, поскольку до районной больницы было не близко...

Вот это стихотворение:

Примостилось на краю села
Зданьице больницы участковой.
К ней дорога лентой пролегла.
Как пунктир, деревьев ряд кленовых.
По утрам приходят на совет
Два врача, медсёстры, акушерка...
Вечерами – в окнах жёлтый свет,
И обход – вечерняя поверка.
Но порой горит свет до утра –
Неблагополучия примета.
Мечется дежурная сестра...
У крыльца не гаснут сигареты...
А бывает – днём или в ночи
За простою крашеною дверкой
Жизнь, явившись, новая кричит
На руках уставшей акушерки.

Пусть бюджет сегодня на мели,
Да брюзжат всё скептики-невежды.
От передовых наук вдали,
На краю села – оплот надежды.

Потом было прочитано ещё несколько стихотворений, и я тихо спросила: «Я могу посещать заседания клуба? Вы принимаете меня в своё сообщество?» Присутствующие заулыбались, а Ирина Петровна ответила утвердительно. С тех пор прошло почти восемнадцать лет...Как не звучит это банально, но воды действительно утекло много за это время.

Вспоминаются интересные, порой бурные заседания клуба, на которых не только читались стихи авторов-членов клуба и проводилось их корректное обсуждение, но ещё проводились занятия по стихосложению, докладывались результаты выполнения домашних заданий, проводились блиц-конкурсы. Помимо этого готовились сообщения о поэтах, прозаиках, приуроченные к юбилейным датам.

На заседания клуба «Окраина» часто приходили представители других Ростовских литературных клубов – «Созвучие», «Дон», «Ростсельмаш», «Магистраль» – Андрей Данкеев, Лариса Белинина, Вартан Бабиян, Сергей Сущий, Павел Малов-Бойчевский, Артём Иванов, Ирина Латышева, Елена Панаева, Вадим Исачкин...

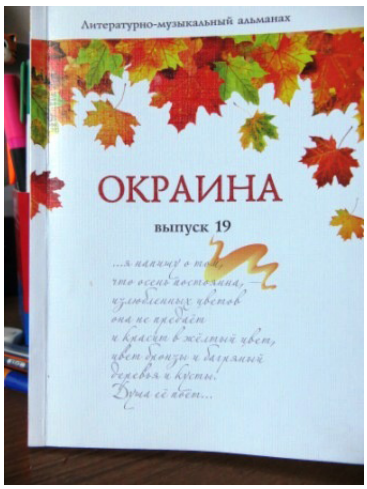
Помогали клубу советами известные ростовские литераторы Наталья Апушкина и Николай Скрёбов. Жаль, что их уже нет с нами....

Не забыть творческие поездки членов клуба на ежегодные поэтические праздники, приуроченные ко дню рождения А.С. Пушкина, в музей-заповедник Танаис и г. Аксай.

Постепенно «Окраина» прирастала друзьями – появились дружеские связи с литературными клубами Таганрога, Шахт, Новошахтинска...

С годами менялся в своём составе клуб – кто-то уходил в силу разных обстоятельств, кто-то приходил и оставался. Это неизбежное явление. Но костяк клуба, его традиции остались незыблемыми.

Наш клуб регулярно издаёт свой альманах. Бережно храню 4-й и 5-й выпуски сборника «Окраина». Тоненькие, как школьные тетради, но дорогие сердцу тем, что мои стихи впервые увидели свет в бумажном воплощении именно в этих сборниках.



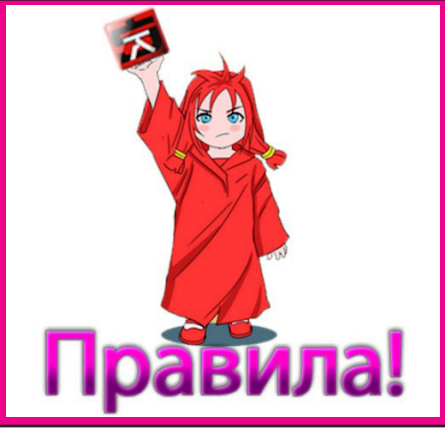
Постепенно и альманах приобрёл свой солидный вид.

Большая заслуга в этом принадлежит составителю Владимиру Моржу и корректору Сергею Халаимову.

Восстановлена потерянная было связь с альманахом «Литературный Кисловодск», а через него с литобъединением «Форум» г. Кисловодска. Автор этих строк регулярно отправляет выпуски «Окраины» главному редактору «ЛК» для «Форума».

Быстро летит время... Клубу двадцать лет!!!

Это повод поздравить всех членов клуба со знаменательной датой и пожелать дальнейшей плодотворной жизни нашей любимой «Окраине».



Рукописи принимаются в форматах .doc, .docx, .rtf.

Авторы отвечают за орфографию и пунктуацию своих произведений. Произведения публикуются в авторской редакции.

Все файлы одного автора помещаются в папку с именем автора и присылаются в редакцию, желательно, в виде архива.

Для облегчения процесса вёрстки просим авторов контролировать качество своих текстов.

Настоятельно рекомендуется в текстовом редакторе Word включить опцию Сервис / Параметры, и установить галочки во всех полях для просмотра непечатаемых символов.

Не допускается формирование абзацных отступов с помощью клавиши пробела.

Абзацные отступы задаются в команде Формат / Абзац, или образуются с помощью клавиши табуляции.

Концы строк в абзацах не должны содержать символ конца абзаца, кроме последней строки. Произведение не должно содержать двойных и более пробелов. Их устранение хорошо бы возложить на авторов.

Просьба также контролировать отсутствие пробелов между словами, наличие пробелов между словом и знаком пунктуации (слово , слово), прилипание знаков пунктуации к следующему слову (слово ,слово).

В тексте следует различать знак дефиса (-), и знак тире (–), хотя последний в процессе вставки текста в макет иногда пропадает. Но это проблема верстальщика.

Наличие иллюстраций в произведениях приветствуется. Недопустимо размещать иллюстрации в тексте произведения. Они должны быть приложены отдельными файлами, желательно с вразумительными названиями. Поскольку наша газета является по преимуществу электронным изданием, к качеству фотографий не предъявляются строгие требования. Напротив, они должны быть небольшими по размерам. По длинной стороне снимки не должны превышать 1000 пикселей, объем файла может колебаться в пределах 100-300 kb, или меньше. Приемлемые форматы растровой графики – .jpg, .gif, .png. Необходимо указать авторство снимка или источник в интернете. Автор может снабдить текст комментариями, куда бы он хотел поместить снимок.

Вы также можете использовать векторную графику в любых форматах.

Над номером работали: А. Дозорцева, И. Лунева, И. Бжиская, А. Райц, Э. Филь.

Компьютерный дизайн и вёрстка И. Лунева.

В номере использовались фотографии из личных архивов и иллюстрации, находящиеся в свободном доступе в сети Интернет.

© Все права на произведения принадлежат авторам.

Редакция газеты: А. Дозорцева, И. Лунева.